

Н. С. Братчикова

**ТЕМА ДЕТСТВА И ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ПАККАЛЫ
И А. П. ЧЕХОВА**

Книги о детях, которые трудно назвать детскими, хотя главными персонажами в них являются дети, неизменно вызывают читательский интерес. Они раскрывают их внутренний мир, отношение к окружающей действительности, проблему отношений детей и взрослых. Литература о детях представлена практически во всех национальных письменных культурах, однако история обращения к ней обусловлена разными причинами социально-общественного развития, причинами религиозного и морально-этического характера. В статье автор обращается к художественной литературе вт. пол. XIX в., к творчеству финского писателя Теуво Паккалы и проводит аналогии с творчеством русского писателя А. П. Чехова. Паккала первым в истории финской литературы обратился к теме детского мироощущения в контексте восприятия взрослых.

Мир ребенка и мир взрослого чаще всего находятся в антагонистических отношениях, которые проявляются в восприятии действительности и в отношении к ней. Эти миры существуют в параллельных пространствах. Пересечение этих миров происходит чаще всего в воспоминаниях взрослого человека о своем детстве. Оба писателя видят в ребенке личность, а не объект воспитания. Герои Паккалы чаще всего действуют коллективно. Ребенок окружен сверстниками. Персонажи Чехова действуют в одиночку, в изоляции от ровесников. Им трудно отстаивать свое право на существование и на свою жизненную позицию. Чеховские персонажи чаще всего становятся объектом социального или семейного насилия, деспотизма, жертвой самоутверждения взрослых. В новеллах Паккалы доминирует позитивная динамика развития отношений между детьми и взрослыми: дети могут воздействовать на мир взрослого.

Интересна работа писателя над языком и стилем произведения. Финский писатель Паккала для стилизации детской речи меняет синтаксическую структуру предложения, показывая непосредственность и живость детской речи, придумывает смешные слова, которыми дети, например, наделяют своих «победителей». Героя рассказов Чехова замкнуты в себе. Их внутренняя монологическая речь обращена в себя и мало похожа на детскую.

Ключевые слова: рассказы о детях, русская и финская литература вт. пол. XIX в., персонажи детей, национальное самосознание.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-233-247

Тема детства, детей в огромном окружающем пространстве занимает особое место в мировой литературе. Ни один из крупных писателей своего времени не остался равнодушным к ней. Почему она волнует деятелей культуры любой эпохи? Видимо, одной из причин является попытка осознать пути развития общества, так как за детьми будущее и каким оно будет, зависит от той любви и внимания, которым окружены дети, от того, насколько взрослые готовы понять внутренний мир ребенка. Отчасти интерес писателей к теме навеян личными воспоминаниями о детстве, порой горькими, порой сладостными, ностальгическими по ушедшим временам.

Целью исследования является проведение сравнительного анализа рассказов о детях, созданных в двух разных национальных культурных сообществах во вт. пол. XIX в.

Объект данного исследования – литература о детях, т.е. произведения, героями которых становятся дети. Автора публикации интересуют произведения, изначально написанные для взрослой, а не для юной аудитории, хотя впоследствии их читают преимущественно подростки.

Предметом исследования являются персонажи детей.

Материалом для исследования послужили рассказы о детях, написанные во вт. пол. XIX в. Теуво Паккалой (1862–1925) и А. П. Чеховым (1860–1904). Творчество этих двух писателей неслучайно выбрано для сравнения: многое в их жизни и взглядах на задачи литературы сходно. Оба писателя описывают внутренний мир ребенка искренне и с любовью. Они стали писать о детстве, адресуясь не к детям, а ко взрослым, раскрывая именно им духовную сущность ребенка, своеобразие детской души. Эти рассказы не автобиографичны; скорее, это психологические тексты, в которых воспроизводятся психическое, душевное развитие как «движение души».

Актуальность темы исследования вызвана потребностью изучить пути формирования художественной литературы о детях как отдельного жанра в разных культурных сообществах.

Обзор научной литературы показал, что тема о детях получила глубокое изучение на материале русской литературы. Из новейших исследований назовем книгу Е.О. Путиловой «Золотых ступенек ряд. Книга о детстве и книги детства» [Путилова, 2015]. Это рассказ о русской детской литературе: её истоках, направлениях развития, целях и способах их достижения. Её историю Путилова показывает через размышления о детстве и детской книге самых разных людей — от Владимира Мономаха с его «Поучением», заложившем «основы нравственного направления в детской литературе», до А. Гайдара, М. Зощенко и Л. Пантелеева, создававших новый — советский — «детлит». Дальше 30-х гг. XX в. Е.О. Путилова в этой книге заглядывать не стала. Сообщая читателю биографию писателей, она описывает их взгляды на то, какой должна быть детская литература, на что необходимо делать акцент в детских книгах, какие цели должен ставить автор при написании произведения. Книги о детях и детстве должны, по мнению автора, объединять больших и маленьких.

Обзору произведений великих советских писателей, посвятивших свое творчество данной теме, отведена колонка «Детское чтение с Павлом Крючковым» в журнале «Новый мир»*. Детская литературная критика возвращается также на полосы журналов «Октябрь» и «Дружба народов». Проблемы литературы о детях обсуждаются на таких научно-практических семинарах, как «Молодые писатели вокруг ДЕГГИЗа».

Монография финского литературоведа Б. Хеллмана «Сказка и быль: История русской детской литературы» [Хеллман, 2016] посвящена 400-летней истории русской литературы для детей и юношества с кон. XVI в. до первого десятилетия XX в. В книге анализируется творчество писателей прошлого и современности, посвятивших себя созданию литературы для детей. Их книги рассматриваются в контексте критических дискуссий, переводной литературы и культурной политики своего времени.

Проблемы детской литературы стали предметом исследования С.А. Петрова «Современная русская детская литература – миф или реальность?» [Петров 2018]. Автор характеризует особенности современной детской и юношеской литературы, а именно: «овзросление», жанровые сдвиги, тяготение к публицистике. По его мнению, публикации, тексты стали «дистиллированными, пустыми, безликими» [Петров 2018, 69], потеряли остроту, идеологическую направленность, этическую составляющую и полемичность. Если в ставшей классической литературе о детях виртуально присутствовали диалоги автора и героя, автора и читателя, без навязывания взрослого взгляда на жизнь, где персонажи жили своей детской жизнью, то для современной литературы о детях характерны диктат и давление мировоззрения взрослого человека над

* Например, в 2017 г. опубликован литературный обзор П. Крючкова «Добрый доктор Пауст», посвященный творчеству и личности К. Г. Паустовского, который «служил добру и воспитанию добрых чувств» [http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_9/Content/Publication6_6729/Default.aspx].

детским и подростковым мироощущением. Автор рассуждает над тематикой, затрагиваемой в литературе о детях, и считает, что в ней не должно быть особых ограничений, она не должна быть очищена от острых проблем. Литература о детях должна описывать справедливое и несправедливое, хорошее и плохое, совершаемое детьми. Она имеет право быть грустной, ибо душа ребенка очищается и взрослеет через катарсис. Она должна носить социально-критический характер, чтобы помочь детям понять окружающий мир, адаптироваться к нему и найти ответы на мучающие его вопросы. Литературе о детях не нужны педагогические корни и моральные сентенции типа: что «такое хорошо и что такое плохо» или «надо, надо умыться по утрам и вечерам». Книга для детей, заключает автор публикации, должна «воспитывать свободного, думающего гражданина» [Петров 2018, 74]. Состояние литературы о детях критически анализируется в работе Т. О. Бобиной «Современная литература для детей: темы и жанры» [Бобина 2013, 5–19].

Эта проблематика является предметом пристального изучения финских литературоведов и историков культуры Финляндии, о чем говорит внушительный список публикаций за последние несколько лет. Некоторые из них станут предметом нашего внимания.

В коллективной монографии «История литературы Финляндии» произведения о детях упоминаются в связи с анализом творчества конкретного писателя*, литературных направлений и этапов культурно-исторического развития страны**, также в связи с исследованием книжного рынка и книжной индустрии в стране***. В 2001 г. издан сетевой библиографический каталог «Береза и звезда. Юношеская литература в Финляндии 1543–1899»****. В него включены произведения, главными персонажами которых являются дети. Он охватывает внушительный по объему список произведений (2000 наименований), начиная от «Букваря» М. Агриколы и завершая произведениями З. Топелиуса*****. Исследователь обнаружит в каталоге также ссылки на издания библий и катехизисов, адресованные юным читателям. Основной объем литературы, – 80 % единиц книжной продукции периода 1543–1899 гг., – составляют иностранные произведения, написанные в духе рационализма [Kuivasmäki 2007, 280].

Сборник «Маленький большой мир: история детской и юношеской литературы Финляндии» (2003)***** включает в себя статьи о финноязычной, финско-шведской литературе и литературе, написанной на саамском языке. Предмет исследования – произведения, созданные в XIX–XX вв. Круг тем, рассмотренных в сборнике, широк. Он включает изучение общественно-политических процессов XIX в., повлиявших на формирование художественной литературы о детях и для детей; исследование роли переводной литературы на отечественную литературу; исследование книжной продукции для детей; а также пути становления писателей (от священника к писателю). Некоторые разделы посвящены творчеству шведоязычного финского писателя З. Топелиуса, поэзии для детей, формированию приемов иллюстрирования книг, возникновению и становлению критической литературы. Ряд статей о произведениях, посвященных проблемам переходного возраста детей, взросления и поиска ими своего места среди сверстников.

* Рассказам о детях, написанным З. Топелиусом, посвящен раздел «Сказочник» (Suomen kirjallisuuden historia I, 1999, 263–264). Семейной проблематике посвящен раздел о творчестве первых финских писательниц: В. Карстенц, В. Ранделин, Ф. Рунеберг [Suomen kirjallisuuden historia I, 1999, 286–297].

** Например, жанр сказок и в целом литературное направление романтизм рассматривает на фоне изучения этапов национального движения и «национального пробуждения» [Suomen kirjallisuuden historia I, 1999, 181–185; 290–297].

*** Suomen kirjallisuuden historia I, 1999, 164–169.

**** Koivu ja tähti. Nuorisokirjallisuus Suomessa 1543–1899. Tampere, Suomen nuorisokirjallisuuden instituutti, 2001.

***** Библиографический каталог представляет собой стандартные записи, описывающие произведение: автор, заглавие, тема, год издания, объем, описание титульного листа и образцы иллюстраций к публикации.

***** Huhtala G., Loivamaa L. Pieni suuri maailma. Suomalaisen lasten- ja nuortenkirjallisuuden historia. Helsinki, Tammi, 2003.

Представление об истории появления литературы о детях на книжном рынке в Финляндии дает двухтомное издание «История переводной художественной литературы на финский язык» (2007)*.

Результаты исследования и их обсуждение

Литература о детях – это результат глубоко размышления автора о месте человека в обществе, о роли семьи в воспитании человека. Она адресована взрослым людям, потому что в ней исследуется процесс становления ребенка как личности, этапов его взросления.

Литература о детях характеризует своими языковыми средствами, которые условно можно подразделить на сюжетно-композиционные, языковые и психологические. Произведения о детях полны психологизма, подробных лирических описаний и отступлений. Они напоминают прием «стоп-кадра», когда внешнее развитие действия приостанавливается и автор приступает к глубокому изучению внутренних процессов, происходящих в персонаже. Для героев этих произведений мотив действия и слов более важен, чем сам поступок; при этом мир ребенка описывается в контексте восприятия взрослых.

К вопросу становления жанра литературы о детях

Начнем с того, что долгое время художественной литературы о детях, как отдельного жанра, не существовало ни в России, ни в Финляндии.

Истоками ее можно считать книги религиозного содержания, священные тексты, жития святых, в которых описывалось их детство: например, «Житие Благоверных князей страсто-терпцев Бориса и Глеба». Их жизнь, полная испытаний, терпения и усердия, служила образцом для нравственного подражания и превращалась в модель воспитания благочестивого христианина и просвещенного гражданина. Литература носила нравоучительный характер, что объяснялось ведущей ролью церкви в воспитании ребенка. Авторами текстов о детях выступали священники. Тексты создавались по четким канонам и оформлялись в нормативном формате, прописывающем, что христианину надлежало делать в семье и обществе. В «Книге, называемой «Домострой» (сер. XVI в.), в «Домашнем зеркале» (1699) финского священника И. Менандера** и в «Золотой книге» Э. Роттердамского давался свод правил, советов, поучений и наставлений взрослым и детям. Человек представлялся существом не только физическим, но прежде всего – духовным, провозвестником высоких идей и нравственного совершенствования. Например, «Житие Сергия Радонежского, составленное Епифанием Премудрым в 1418–1419 гг.***»; «Песнь о Создателе» (1690) финского священника Матиуса Саламниуса****. Эти произведения стали классикой мировой литературы. В них присутствуют эпизоды, повествующие о трудном детстве героев, о формировании характера и морально-нравственных качеств ребенка, который представал как некий итог воспитательной работы****. Такая литература не относилась к художественной и представляла собой воспитательную литературу, что согласовывалось с внутренней политикой государства, нуждавшегося в образованных гражданах. Наличие переводной литературы выражало связь рассматриваемых культур с европейскими системами образования и указывало на особенность обучения детей (чтение на иностранном языке как часть

* В сер. XIX в. появляются переводы на финский язык таких романов, как Д. Дефо «Робинзон Крузо» (перевод О. Тандефельт, 1847), А. Дюма «Вильгельм Телль» (перевод А. Ряту, 1849), С. Топелиуса «Чтение для детей» (перевод А. Ниссинен), Ч. Диккенса, Ф. Купера [Suomennoskirjallisuuden historia 2007, 107, 170, 180].

** Suomen kirjallisuushistoria I, 1999, 94.

*** Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост., поел. и коммент. В. В. Колесова; Подгот. текстов В. В. Колесова и Т. П. Рогожниковой. – М.: Сов. Россия, 1991. — 368 с.

**** Suomen kirjallisuushistoria I, 1999, 94, 101.

***** Подростку внушались такие правила, как «Не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму!», «Отделяй прямую дружбу от фамильярности!», «В счастье и несчастье взирай на будущие твои времена!» [Хеллман 2016].

воспитательного процесса детей состоятельных, социально привилегированных семей). Такие книги способствовали европеизации России и Финляндии.

В русской литературе эпохи классицизма тема детства была представлена в нравоучительных рассказах и сборниках через детали и примечания автора, не выступая как самостоятельный аспект. Достаточно вспомнить Митрофанушку из русской бытовой комедии «Недоросль» знаменитого писателя-просветителя Екатерининской эпохи Д. И. Фонвизина (1745–1792). Детство отрока описано как легкое, ничем не обремененное время. Митрофанушка учится, но делает это с большой неохотой, отличаясь тупостью, невежеством и ленью. В общении с отцом, учителями и крепостными он груб и жесток. Мать, которая в нем души не чает, нужна ему только для исполнения капризов. В этом подростке сочетаются черты тирана и раба. Избалованное поколение не сможет позаботиться ни о себе, ни о России. От семьи зависит развитие личности. Фонвизин подчеркивает важность сохранения тепла, нежности и уважения в семье по отношению ко всем ее членам. Только тогда дети будут почтительными, а родители – достойными почтения. Для усиления воспитательного воздействия писатели-просветители обращаются к говорящим именам персонажей – Простакова, Правдин, Скотинин, Здравосмысл, Добросердов, Храбров. Однако в изображении детских персонажей отсутствовали психологизм и стилистическая убедительность.

В истории финской литературы XVIII в. тема детства, даже в косвенной интерпретации, еще не звучит. Впервые она зазвучала на страницах мемуарной литературы представителя раннего финского романтизма К. А. Готлунда (1796–1875). Автор дневниковых записей вспоминает, как весело ему жилось в родительском доме, как нежно отец с матерью заботились о нем, как не угасала тревога матери за сына даже тогда, когда он вырос и отправился в первое самостоятельное путешествие в дикие леса Швеции.

Тема детства и образы детей предстают в творчестве писателей-романтиков нач. XIX в. Для реализации темы детства / отрочества они часто использовали жанры сказки и сказки-притчи. В сказках ребенок обретает право творить мир; при этом сотворение мира происходит на основе привитых ребенку идеалов человечности, доброты, дружбы. В произведениях периода романтизма дети стали восприниматься как существа высшего плана. Они способны обладать собственным волшебным, иллюзорным миром, полным поэзии и фантазии. В сказочном мире ребенок завоевывает любовь и право на счастье, обретает чувство уверенности, как, например, в произведениях немецкого писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана (1766–1822) «Щелкунчик и мышинный король» и «Повелитель блох» (1822), в фантастических повестях А. Погорельского (1787–1836) «Черная курица», В. Одоевского (1802–1869) «Городок в табакерке». Оригинальность русских фантастических повестей про детей заключается в убедительности портрета ребенка. Через собственные поступки детский персонаж сказки «Черная курица» узнает о том, как важно быть верным, скромным, прилежным и честным, причем мораль и назидательность преподнесены тонко, оригинально и ненавязчиво. Нам кажется, что другое фантастическое произведение «Городок в табакерке» (1834) подсознательно подводило русских читателей к мысли о неизменности существующего порядка, бесполезности бунта, несмотря на сочувствие к «мальчикам-колокольчикам», «винтикам огромной машины». Этот урок получает Миша, увидев во сне катастрофичность аллегорической попытки революции.

Романтическое направление в финской литературе представлено творчеством шведоязычного писателя Закриуса Топелиуса (1818–1898), тоже обратившегося к жанру сказки. Сказочные истории периода 1847–1852 гг. адресовались взрослой аудитории*, служа удобной формой для авторского размышления о судьбах и путях развития страны и финского народа. В сер. XIX в. перед финской интеллигенцией стояла задача сформировать единую нацию, повлиять на духовную жизнь и умонастроения людей. Это был период так называемого «второго национального

* В обращении к взрослой аудитории через сказки З. Топелиус следовал традициям своего кумира датского писателя Г.Х. Андерсена. В творческом наследии З. Топелиуса насчитывается 230 сказок.

пробуждения». Через сказочные сюжеты, базирующиеся на достоверных фактах и реалиях, Топелиус стремился пробудить в финском народе чувство гордости за свою родину.

Основные персонажи его сказок – дети. Они действуют в знакомых читателю географических условиях (в далекой стране изгнания или в холодной и мрачной Лапландии). Они останавливаются перед выбором между свободой, лишенной комфорта, или сладким пленом, обрекающим на забвение; между невежеством в комфортных условиях и тернистой дорогой к знаниям. Дети обретают полную свободу действий. Движимые благородной целью, они успешно преодолевают препятствия и невзгоды*. Сказки Топелиуса заключают в себе нравоучительный смысл.

3. Топелиус занял ключевую позицию в финской литературе, а также в вопросах формирования национальной системы воспитания, организации культурно-просветительской работы в обществе. Для этого он стал писать книги для чтения детям, издавать журнал для детей с учетом их возрастных групп, переводить сказки с иностранных языков**.

В произведениях романтиков дети могут выступать прямым порождением зла. Физически они так и не вырастают, а остаются карликами, например, персонажи сказок Гофмана «Крошка Цахес, прозванный Циннобером» (1819), «Песочный человек» (1817). Образы «агрессивных детей» становятся у писателей-романтиков средством общественной критики: дети превращаются в агрессивные создания, когда из человеческой жизни вытесняются высокие идеалы: духовность, доброта, умение сострадать, простодушие и фантазия.

Пик интереса к осмыслению образа ребенка в литературе приходится на сер. XIX в., когда в литературе начинает утверждаться реалистическое направление. Развитие темы детства в русской и финской литературе прочно связано с английской традицией.

«Маленькие люди» входят в мир взрослой литературы, выступают самостоятельными персонажами наряду с мудрыми и справедливыми, жестокими и злыми, разочаровавшимися в жизни и надеющимися на успех взрослыми***. Мир представлен глазами ребенка. Впервые в контекст повествования вводится детская точка зрения. Интерес обостряет противопоставление детского и взрослого взглядов на события. Повествование реалистично: в нем узнаваемы детали быта, игры детей и детская лексика. В романах прослеживается психологический анализ поступков персонажей.

К сер. XIX в. ребенок становится главной фигурой в прозе русских писателей-реалистов****. Интерес к детской тематике усиливается педагогическими исследованиями и педагогической практикой, растущей сетью школ и расширением читательской аудитории. Героями произведений становятся не дети дворян, а крестьянская детвора, бедняки, сироты, бродяги и нищие.

В финской литературе этого времени пока трудно говорить о детях как основном персонаже произведений, однако мотивы темы детства, образы детей в ретроспективе детства наиболее ярко представлены в произведениях А. Киви*****.

* Например, в сказке «Береза и звезда» повествуется о двух детях, из-за войны проводивших детство на чужбине. Обеспеченная жизнь не затмила в них желания вернуться на родину, о которой у них остались лишь неясные представления – «там растет береза, а над ней светит Северная звезда». Хранимые богом дети успешно возвратились в бедную, истерзанную войнами родину. Сюжет сказки был навеян реальной историей прапрадеда писателя Кристофера Топелиуса, угнанного в рабство в годы Великого лихолетья (1713–1721). Сбежав из него, мальчик счастливо нашел мать в Стокгольме. В сказке воспевались чувство долга, любви, смелость и упорство в достижении цели.

** В 1853 г. был опубликован перевод с немецкого языка сказок братьев Grimm, однако переводчик Топелиус счел целесообразным изменить содержание некоторых сказок, усилив в них моральную составляющую, добавив некоторые конкретизирующие детали, вводя комические сюжеты.

*** В этой связи упомянем романы Ш. Бронте «Джейн Эйр» (1847), Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1849), «Холодный дом» (1853), Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857), Дж. Мередита «Испытание Ричарда Феврела» (1859).

**** Укажем рассказы «Деревня» и «Зимний вечер» Д. В. Григоровича, «Неточка Незванова», «Маленький герой», «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского, «Сон Обломова» И. А. Гончарова, «Бежин луг» И. Тургенева.

***** Например, трагедия «Куллерво» (1860) и роман «Семеро братьев» (1870).

Достоинство романов периода реализма заключается в том, что повествование событий ведется от первого и от третьего лица. Рассказчик уступает место малолетним героям, что создает эффект отстранения и достоверности изложения.

Рассматривая этапы становления литературы о детях, мы намеренно остановились на периоде, когда на литературном поприще начинают творить А. П. Чехов и Т. Паккала, творчество которых станет предметом нашего научного интереса.

Жизнь как источник впечатлений

А. П. Чехов и Т. Паккала прожили сложную и полную самых разнообразных впечатлений жизнь. Их жизненные дороги никогда не пересекались, они жили в разных культурных пространствах, представляли разные национальные культуры. Что же их объединяет?

Оба писателя родились в небольших провинциальных городках: родной город А. П. Чехова – южный Таганрог, Т. Паккала появился на свет в северном финском Оулу. Оба из многодетных семей: у А. Чехова были четверо братьев и сестра; в семье Паккалы – тоже пятеро детей.

Павел Егорович, отец Чехова, был обедневшим купцом: он владел мелкой лавкой и сам себя называл «коммерсантом». Много внимания уделял он посещению церковных служб, пению и общественным делам. Своих детей Павел Егорович содержал в строгости, часто применял телесные наказания, которые Антон Павлович не мог простить отцу, даже став взрослым и вспоминая: «В детстве у меня не было детства». Дети воспитывались в трудолюбии, работали в отцовской лавке и пели в созданном отцом же церковном хоре. Мать Антона Павловича, Евгения Яковлевна, была сердобольной женщиной, она старалась смягчить строгость мужа по отношению к детям. Она оказала огромное влияние на формирование характеров детей, воспитывая в них отзывчивость, уважение и сострадание к слабым. Все дети Чеховых были исключительно одаренными и высокообразованными людьми. А. П. Чехов с благодарностью вспоминал своих родителей: «Талант в нас со стороны отца, а душа со стороны матери».

Отец Паккалы Э. Фростерус – из обедневшего старого рода священников, был ювелиром. Он страдал алкоголизмом, часто бросал семью и отправлялся в странствия. Мать с пятью детьми вынуждена была жить в нищете; дети попрошайничали, чтобы помочь матери обеспечивать семью. Когда отец бросил пить, жизнь изменилась к лучшему, появилась возможность получить образование.

Оба писателя работали журналистами. Неформальные биографические пересечения их очевидны: сложные семейные отношения, суровые жизненные испытания и образованность. Оба писателя были уверены в том, что человека Человеком делают любовь и доброта.

Литературное наследие А. П. Чехова составляют несколько драм и множество «коротких» произведений, в которых он поведал читателям всё, что думал о России своего времени.

Т. Паккала работал не спеша, его творческое наследие довольно скромно по объему. В истории финской литературы он известен как бытописатель городской окраины, жизни её «маленьких людей». На творчество Паккалы оказали влияние и западная, и богатейшая русская литературы. Он восхищался произведениями Достоевского и Гоголя, о чем с гордостью писал в своих воспоминаниях.

Оба писателя многие свои произведения посвятили детям и оба не творили специально для детей. Они наблюдали за реальной, повседневной жизнью и в фокус их внимания попали также дети: их тяжелое и нищее детство. Творчество обоих авторов отличает пронизательный взгляд на проблемы детей, на их тонкую душевную организацию.

Социально-политические условия творчества писателей

В период 1880–1890 гг. ведущим направлением в русской и финской литературах становится критический реализм, представленный творчеством А. П. Чехова и Т. Паккалы. Основопологающим принципом реалистического направления было правдивое отражение действительности и осмысление изображаемых явлений с точки зрения их соответствия общественному прогрессу.

Социально-политическая обстановка в обеих странах характеризовалась проведением экономических реформ, которые отразились во всех сферах жизни общества: строились железные дороги, фабрики, заводы, вытеснялось мелкое кустарное производство, создавалась и внедрялась машинная техника. Активное экономическое переустройство отразилось на социальной структуре общества: усилилась миграция, изменился социальный состав населения.

В России кон. XIX в. либеральное движение отказалось от активных политических выступлений, сосредоточив усилия на повседневной работе во имя общего блага. Служащие, учителя, доктора, агрономы, ученые и люди творческих профессий провозгласили практику «незаметного служения» стране. Народничество обнаружило отсталое, забытое, рабское положение крестьянства*. Положение в обществе было настолько острым, что правительству Александра III пришлось принять так называемые контрреформы, в числе которых был запрет на ночную работу несовершеннолетних детей и женщин**. Русская интеллигенция поставила перед собой культурно-просветительскую задачу – помочь простому народу преодолеть неграмотность, выйти из нищеты, сохранить здоровье и улучшить быт***. Писатели видели ее в правдивом отражении действительности, в разоблачении зла и поиске путей борьбы с несправедливостью, в неприятии «безнравственного и бесправного» отношения человека к человеку. В этом заключалась общественно-преобразующая миссия русской литературы.

Общественная почва критического реализма в Финляндии характеризовалась обострением земельного вопроса на фоне внедрения новых экономических реформ. Миграция населения из деревни в город обострила социальные антагонизмы. В обществе распространился алкоголизм, укрепилось бесправное положение женщин. Рабочий день увеличился, стал применяться детский труд, выросла безработица. Новые экономические преобразования разрушили полупатриархальные нравы в семейно-бытовом укладе и расслоили деревню. К кон. XIX в. национальный вопрос о языке потерял свою актуальность, уступив место социальным проблемам****. При этом в обществе наблюдается ослабление влияния религии, развивается критическое отношение к психологии смирения и богобоязненности. Однако в те годы Финляндия не знала активной политической жизни. Интересы и ожидания общества связывались с литературой и публицистикой.

Литература приобрела качественно новые связи с народной жизнью, народным мышлением и народным языком. В рассматриваемой период этот синтез усилился*****.

В кон. XIX в. финская читательская аудитория познакомилась с романами И.С. Тургенева, произведениями Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Г. Успенского, раннего А.П. Чехова и пьесами Г. Ибсена. В целом знакомство с иностранной литературой помогало глубже уяснять те процессы, которые происходили в обеих национальных литературах.

* Реформы позволяли применять телесные наказания к провинившимся крестьянам.

** Ситуация невыносимого ночного труда подростка описана в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется» (1888). История Варьки, отданной «в люди» и вынужденной по ночам нянчить хозяйского ребенка, перекликается с историей Ваньки Жукова («Ванька», 1886), для которого «все самое лучшее уже позади» и у которого, как и у Варьки, нет детства.

*** У А. П. Чехова есть следующая запись: «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать». Писатель бесплатно работал в сельской больнице, одинаково хорошо обслуживая пациентов, не делая разницы между богатыми и бедными.

**** В кон. XIX в. финский язык уже обладал статусом официального языка: на нем велось судопроизводство, издавалась пресса, велось обучение в школах, появились художественные произведения (самым крупным произведением, написанном в то время на финском языке, считается роман А. Киви «Семеро братьев», 1869).

***** Этот синтез был подготовлен и осуществлен такими предшественниками финского реализма, как Э. Леннрот (1802–1884), Ф. Сигнеус (1807–1881), Ю. В. Снельман (1806–1881), А. Киви (1834–1872). На примере творчества А. Киви можно проследить, как происходило взаимообогащение литературного и народного языков. Литературный язык получил новое качество и расширил свои возможности, активно используя богатые выразительные средства народного языка, опираясь на традиции устнопоэтической культуры.

Общим в социально-политических условиях творчества обоих писателей было усиление общественных антагонизмов в обществе, усиление внимания к семье, положению детей и женщин. В литературном развитии усилились реалистические тенденции.

Галерея героев

Что заставляет писателей обратиться к теме детства и создать запоминающуюся галерею детских персонажей? Можно ответить коротко: их произведения созданы в защиту детства.

Т. Паккала и А. П. Чехов, будучи мастерами психологического анализа, раскрывают внутренний мир ребенка, его сложные, порой враждебные, взаимоотношения с миром взрослых людей и дружеские, искренние отношения с окружающим миром природы. Они внимательно изучают поведение ребенка, оказавшегося в сложной психологической ситуации: например, в момент нарушения запрета взрослых (Сереза в рассказе А. П. Чехова «Дома»), невыполнения поручения (девочка Ваппу в рассказе Т. Паккалы «Чудеса, да и только»); введения в заблуждение и обмана окружающих (Ханна и Лююли из новеллы «Выдумщицы?») или отъезда из родного дома (Егорушка из повести А. П. Чехова «Степь» и Ааппо из рассказа Т. Паккалы «Отчий кров»). В рассказах Паккалы и А. П. Чехова нет никакой подделки к детскому возрасту, нет даже намека на нравоучение и морализаторство. Все в новеллах – сама жизнь, замеченная писателями на улицах маленьких губернских городков, в бедных лачугах и крестьянских дворах.

Мир детей, представленный в рассказах обоих писателей, отличается по эмоциональной окрашенности. Если мир героев Паккалы, несмотря на трудности и горести, все же радостный [Ainio 2018, 12], то у героев Чехова он, большей частью, наполнен лирической и грустной интонацией.

В рассказах обоих писателей говорится о детях из бедных семей. В силу необъяснимых обстоятельств они оказываются в схожих ситуациях. Однако при этом детский персонаж в рассказах А.П. Чехова всегда один, рядом с ним нет ни друзей, ни приятелей. Он коммуникативно и дистанционно изолирован от своих сверстников. Персонажи Т. Паккалы чаще держатся группой или парой. Они морально поддерживают друг друга, солидарны и духовно связаны. Их внутренний настрой оптимистичен. Персонажи Чехова унылы, молчаливы и беззащитны в своем тщетном ожидании чуда, веры в людей, детской наивности и простодушии.

Егорушка, Ванька и Ааппо

Три ребенка, – Егорушка из повести А. П. Чехова «Степь» (1888), Ванька Жуков из рассказа «Ванька» (1886) и Ааппо из новеллы Паккалы «Отчий дом» (1895) покидают родной дом. Егорушка и Ааппо едут в город учиться, Ваньку отдали в учение к сапожнику Аляхину в Москву. Все трое оказываются в кризисной ситуации, оказавшись в новом социальном окружении и не найдя с ним контакта. Егорушка пока живет в ожидании приключений, в предвкушении изменений. Ребенок любит огромную степь, красота и огромные размеры которой навевают чувство «непоправимого» одиночества. «То, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены». Восторг перед величием природы сменяется ощущением ужаса, отчаяния и потерянности. Конфликт из социальной сферы (потеря дома) перемещается в личностную (несовместимость с окружающим миром). Ребенок дезориентирован в пространстве и жизни, так как мало понимает, зачем он проделывает такой длинный путь с неизвестными и страшными людьми.

Ааппо и Ванька покинули родной дом и испытывают острое чувство одиночества. Ааппо не радуют ни возможность вдоволь наесться пшеничной каши и мяса; ни красивая одежда; ни книжки, которые подчеркивают его новый высокий статус в жизни – теперь он ученик, а не какой-нибудь грязный попрошайка на улице. Даже личное пространство: комната с кроватью и накрахмаленными белыми простынями, с учебным столом и книжной полкой, – не вселяет чувства радости и ощущения счастья. Вот он стоит перед зеркалом, но не узнает себя: на нем красивые башмаки, пиджачок с блестящими пуговицами и брючки до коленок. Ааппо даже стало стыдно за этот вид, и он заплакал. Трагедия Ааппо усугубляется тем, что у него теперь

другое имя: его нарекли господским именем Абе. Конфликт в новелле носит психологический характер: герой не может идентифицировать себя и отчуждает от себя настоящее: «Умру в разлуке, жалко маму», – думает Ааппо.

Ванька попадает в настоящий ад. Его жизнь состоит из побоев, оскорблений и страданий. Письмо дедушке открывает ужасное существование ребенка: «хозяин бьет чем ни попадя», «еды нету никакой», «а спать мне велят в сенях». «Увези меня отсюда, а то я помру», – пишет Ванька.

Одним из возможных способов решения проблемы подросткам представляется смерть. Другой способ – это вернуться в прошлое, которое по сути тоже было безрадостным: один попросил помощи, а другой жил с пьющим дедом. Однако это теперь самые светлые воспоминания для них. Отчий дом ассоциируется у детей с любовью, друзьями, играми и затеями. Ааппо часто вспоминает, как он «босоногий, в лохмотьях, в огромном зипуне с подвернутыми рукавами и в кепке просил милостыню для всей семьи. Ванька с радостью вспоминает пред рождественские хлопоты деда.

Ааппо удается навестить отчий дом. Однако старый мир его не принял: в наряженном, причёсанном, умытом мальчике его не узнали ни сестра, ни братья. Тихо всплакнула мама, а отец громко крикнул: «Убирайся туда, откуда пришел». В ушах всю дорогу звучали наставления матери: «Старайся и помни родителей и братьев с сестрой. Они у тебя бедные. Благодарите Бога за такое счастье» [Pakkala 1999, 85]. Домашние порвали с Ааппо, отвернулись от него, предали. Может, надеется Паккала, в учебе удастся забыться, однако новая среда может не признать чужака и тоже отторгнуть – и тогда конец.

Горькую жалость вызывает светлое ожидание Ванькой пред рождественского чуда. Письмо на деревню дедушке было «отправлено», но никто не придет на помощь сироте. Он, как и его финский сверстник, остался один в большом взрослом мире.

Детям трудно, они сталкиваются с непонятным миром взрослых и входят в конфликтную ситуацию – надо жить новой жизнью, но душа рвется назад, в прошлое. Остается жить мечтой.

Ваппу и Варька

Имена этих девочек созвучны: Ваппу и Варька. На этом сходство заканчивается. Ваппу из новеллы Т. Паккалы «Чудеса, да и только» (1895) живет в родной семье и старается в меру сил выполнить поручения матери. Ваппу с готовностью отправляется купить паточку в лавке, но в очередной раз безуспешно. «Безалаберная, беспечная», – объясняют соседи поведение Ваппы. Надо наказать и сразу повзрослеет, – советуют взрослые*.

Бедная тринадцатилетняя служанка Варька из рассказа А. П. Чехова «Спать хочется» (1888) замучена тяжелой круглосуточной работой. После смерти отца она с матерью пошла наниматься на работу. А «в людях» разве жизнь? Вереница поручений: то самовар поставь, то галоши хозяину подай, за пивом сбегай, пол вымой, белье постирай, картошку почисти, наконец, ребенка покачай – изматывает подростка. Спать-то хочется, а некогда. Варька наивно полагает, что в этой беготне ее спасение, потому что «когда бежишь, меньше спать хочется».

Финская девочка не выполняет поручений от того, что живет в мире фантазий. Она общается с природой, придумывая сказочные истории «летающему белому перышку», «черному вороньему гнезду» на дереве, или замирает, любясь красивой куклой соседской девочки. Несчастливая Варька замучена беготней по хозяйским поручениям. Она не избалована жизнью, ей некогда мечтать. В свои тринадцать лет девочка уже устала жить. Тяжкая трудовая кабала на мгновение помрачила рассудок, и подросток убивает младенца, видя в нем источник своих бед.

Где выход? Для Ваппу конфликт с внешним миром разрешился благополучно. Она нашла общий язык с матерью. Не выполнив очередного поручения, девочка возвращается домой с пучком прутьев. Мать простила дочь, поняв необычность ребенка, возможно, вспомнив свое

* В Финляндии телесные наказания детей запрещены законом с 1984 г.

детство. Искренность ребенка растопила злость и строгость. Вероятно, жизнь Ваппы сложится благополучно.

Трагедия Варьки – в свершении тяжкого преступления. Ни писатель, ни читатель не могут строго судить подростка за ужасный поступок. Что ждет Варьку? Ее страдания только начинаются: месть хозяев, суд и тюрьма, а дальше – малолетняя проституция. Жизнь закончилась, не успев начаться. Обстоятельства, в которых виновны взрослые, ставят ребенка в такое положение, когда он, борясь за свою жизнь, и превращается в преступника.

Майя и Илкка, Володя и Чечевицын

Персонажей финской новеллы «Магическое слово» (1895) и рассказа «Мальчики» (1887) объединяет жажда смелых поступков и желание самоутвердиться в жизни. Дети идут к своей цели, стараясь отстаивать собственную точку зрения, не задумываясь о последствиях своих действий, и поэтому сталкиваются с резкой, осуждающей реакцией родителей.

Майя и Илкка, дети из бедной семьи, решают покататься с горы. Но горка принадлежит их сверстнику из богатой семьи. Он требует плату. Отважная Майя отчаянно борется за право бесплатного катания. Она бежит с мальчиками наперегонки, выигрывает соревнование и получает право не только прокатиться с братом несколько раз бесплатно, но и почетное звание «стигнафуль». Никто не может объяснить, что означает стигнафуль. Но оно завораживает своей непонятностью и гордым звучанием. Дети возвращаются домой в растрепанном виде, за что им грозит физическое наказание. Но как это несправедливо наказывать самого «стигнафуля», а не просто девочку Майю, возмущается брат. Родители, услышав это магическое слово, словно оттаяли, подобрались, рассмеялись, вспомнили свои детские годы и простили юных героев.

Конфликт, грозивший завершиться суровым наказанием, закончился взаимопониманием взрослых и детей, веселым и добрым смехом. Отметим, что социальный конфликт в рассказе не обостряется. Дети воспринимают необходимость оплаты за катание с горки как данность. Проблема автором переводится в другую плоскость – в необходимость понимания между детьми и взрослыми.

Гимназисты Володя Королев и Чечевицын из рассказа «Мальчики» (1887) жаждут приключений. Начитавшись романов об индейцах, они решили убежать в Америку. Это более дерзкий поступок, чем кататься до позднего вечера с горки и истрепать одежду. Мальчики не явились на обед, что вызвало тревогу в семье. Их привозят домой через сутки, после того, как неудачных путешественников задержали в магазине за покупкой пороха для пистолета. Добросердечный Володя сильно раскаивается в своем поступке, потому что любит семью, очень привязан к ней и боится причинить боль другим. Невозмутимый Чечевицын напоминает финскую девочку Майю своей решительностью, неустранимостью. Он, как и Майя, является лидером по натуре, стремящимся быть первым. Если Майя получает волшебное звание «стигнафуль», то Чечевицын нарекает себя взятым из приключенческого романа именем Монтигомо Ястребиный Коготь. Чечевицын не привязан к домашним ценностям, пожалуй, в нем нет чувства ответственности за других, он так и не понял, что заставил страдать близких людей.

Симпатии читателя и автора рассказа на стороне добросердечного мальчика Володи. Чехов призывает взрослых внимательно относиться к своим детям, уметь понять их и помочь разбиться в людях, отстаивать собственную позицию, а не идти на поводу чужой воли и желания.

Ханна и Лююли, Сережа

Дети, живя в обществе, среди взрослых, безусловно, сталкиваются с социальными проблемами, как, например, героини новеллы Паккалы «Выдумщицы?». Девочки Ханна и Лююли родом из бедной семьи. Они живут в городе и уже заметили его порядки: людей здесь оценивают по одежде, по внешнему виду. Что придумывают эти маленькие модницы, понимая, что в семье нет денег на обновы? Ханна и Лююли делают себе накидки из тряпок, хранящихся в чулане дома, и выходят в таком несурзном виде на улицу. Недоумевающие взгляды прохожих они расценивают как высокую оценку своего внешнего вида. Конечно, кроме улыбок

ки эта милая детская шалость не вызывает. Паккала восторгается находчивостью девочек. В этом произведении нет осуждения ни детей, ни их родителей, ни общества с его условностями. В нем есть только призыв внимательно и чутко относиться к детям, которые весьма зависимы от внешней среды, полны творческой энергии и, что немаловажно, ни в коем случае не винят взрослых в их социальной обездоленности. Остроты конфликта в этой ситуации не возникает: нелепость поведения одних вызвана нелепыми установками других. Дети по-своему понимают мир взрослых, стараются следовать его правилам, зачастую выглядя неловко и смешно.

Семилетний мальчик Сережа из рассказа А.П. Чехова «Дома» тоже хочет соответствовать миру взрослых. Для этого он начинает курить. За эту шалость он получает неприятный разговор с отцом-прокурором Евгением Петровичем Быковским. Отец старается «долго и скучно» объяснить пагубность этой вредной привычки, наталкиваясь на непосредственные, живые реакции ребенка. Ни одно из взрослых рассуждений не трогает душевный мир ребенка, в котором существуют свои взгляды и мнения о важном и неважном в этой жизни. Яркий внутренний мир мальчика противопоставляется официальному, справедливому, но ограниченному миру взрослых людей. В результате беседы отец вдруг вспомнил «себя самого, почерпавшего житейский смысл не из проповедей и законов, а из басен, романов, стихов...» Незамысловатая сказка о царе, у которого умер сын, потому что курил, вызвала сочувствие и подействовала на Сережу лучше всяких нотаций и морализаторства. Конфликт между отцом и сыном был разрешен, как только взрослый смог взглянуть на мир глазами ребенка.

Нанна

Нанна из новеллы Паккалы «У постели больного» (1913) тяжело болеет. Это физическое испытание оказывается не самым трудным для нее, тем более, что, как позже выяснится, девочка выздоровеет. Более тяжелым психологическим испытанием для девочки станет общение с миром взрослых. Пока же болезнь протекает тяжело и, по мнению некоторых взрослых, этот случай безнадежный. Тетя Гуоппела считает, что, находясь в предсмертном состоянии, лучшее для Нанны – это желать смерти и тогда она попадет на небеса*.

Фальшь взрослой жизни высвечивается через восприятие детей. Дети не понимают мира взрослых. Им не понять, как можно больному хотеть умереть. Однако Нанна не хочет расстраивать любимую тетю, старается убедить, прежде всего, самое себя в нежелании жить. Но интерес к жизни, как это ни смешно звучит, укрепила маленькая муха, непонятно откуда оказавшаяся зимой в комнате. Выздоровливающая Нанна нисколько не держит зла на тетю, желавшую ей некоторое время назад смерти, и продолжает считать ее самой лучшей тетей в мире.

Паккале, как и Чехову, очень дорого детское сознание своей непосредственной чистотой. Взгляд ребенка, мудрого в своей наивности, обнажает ложь и фальшь условного мира взрослых. В потоке жизни, в погоне за удачей, в стремлении стать победителем или хотя бы удержаться на плаву, взрослые быстро забывают детство. Они обрастают правилами, нормами, из них вытравливается все непосредственное и яркое. Только дети способны указать на этот недуг взрослых, только они способны вылечить его. Но столкновения между детским и взрослым миром не всегда кончаются гармонией. Незащищенность ребенка от произвола взрослых толкает его на ужасные поступки. Таких описаний в рассказах Чехова о детях много, но у Т. Паккалы практически отсутствуют.

Мы провели сравнительный анализ лишь небольшой части произведений великого А. П. Чехова и знаменитого финского писателя Т. Паккалы. Они рассказывают взрослым о детях, об их доброте, щедрости и искренности, об их зависимости от любви и внимания. В большинстве рассказов дети живут в параллельном мире со взрослыми: у них свои представления,

* В кон. XIX в. в Финляндии изменилось отношение к смерти детей. Раньше к этому событию относились спокойно. Считалось, что после смерти дети превращаются в ангелов и живут на небесах. Вероятно, с изменением отношения к религии, распространением атеистических взглядов изменилось отношение к смерти, к детской в частности. Люди переставали верить в загробную жизнь и уход из жизни стал осознаваться как безвозвратный.

взгляды и мнения, независимые от мнений старших людей. В сюжетной интриге многих рассказов мы не видим непосредственного участия родителей. Если и фигурирует взрослый персонаж, то чаще всего это мать ребенка. Мысли, слова ребенка адресуются, в первую очередь, маме. Для нее, например, готовится рождественский сюрприз; с ней ведутся разговоры и объяснения. Нам кажется, что существуют две причины такого явления: первая – автобиографичная: матери сыграли ключевую роль в воспитании писателей, вторая – социально-общественная: во вт. пол. XIX в. активно обсуждалась положение женщины в семье и обществе.

Заключение

Со вт. пол. XIX в. тема детства утвердилась в европейской литературе, что нашло отражение и в русской, и в финской классической литературе. Данная статья – попытка обозначить некоторые параллели в обрисовке образов детей и мотивов, с ними связанных в рассказах и повестях А. П. Чехова и Т. Паккалы. Обоюдной позицией мастеров слова является рассмотрение детства не только как возраста, но и как очень важного элемента человечности. Во взрослом человеке всегда сохраняются черты «детства». Они могут быть добрыми, светлыми, хотя и немного забытыми, а могут быть жестокими, немилосердными. Образы детей в творчестве обоих писателей продолжают реалистическую традицию в их изображении. Авторы рассматриваемых рассказов показывают искренность, духовное богатство, нравственную чистоту детей, их веру в чудо, в удачу, в человеческое счастье. Образы детей в рассмотренных рассказах связаны с мотивом нравственного перерождения, перевоспитания других персонажей. Однако при этом меняются и сами дети, становясь мудрее, благороднее, взрослее. В рассказах А. П. Чехова мы находим больше драматизма в описании детей и трагической интонации. Дети – это жертвы внешних обстоятельств, все чаще в произведениях Чехова звучит мотив «украденного» детства. Рассказы А. П. Чехова о детях социально более окрашены, проникнуты болью за несправедливо обиженных, обездоленных детей. Чехов показывает окружающий мир глазами ребенка, но этот мир реалистичен. Рассказы Т. Паккалы оставляют светлое и радостное впечатление. Чаще всего конфликт между ребенком и взрослым разрешается добрыми чувствами, любовью и пониманием друг друга. Искренность и непосредственность детей вынуждают взрослых пересмотреть придуманные ими запреты и установки и помогают наладить контакт с детьми.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобина Т. О.* Современная детско-подростковая литература: темы, жанры, приемы. Челябин. гос. академия культуры и искусств. Челябинск, 2013. 191 с. (Академический проект).
- Петров С. А.* «Современная русская детская литература – миф или реальность?» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 66–78.
- Путилова Е. О.* Золотых ступенек ряд. Книга о детстве и книги детства. М.: Дом детской книги, 2015. 312 с.
- Хеллман Б.* Сказка и быль: История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
- Aunio L.* Lapsikuva Teuvo Pakkalan novellikokoelmassa Lapsia ja Pikku ihmisiä. Pro gradu – työ. Helsinki, Helsingin yliopisto, 2018. 72 s.
- Huhtala G., Loivamaa L.* Pieni suuri maailma. Suomalaisen lasten- ja nuortenkirjallisuuden historia. Helsinki, Tammi, 2003. 325 s.
- Kuivasmäki R.* ”Lainalla täytyy alottaa” – nuorisokirjallisuuden suomennokset. Suomennokkirjallisuuden historia I. Toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2007. S. 280–302.
- Pakkala T.* Lapsia. Pikku ihmisiä. Suomalaisen kirjallisuuden seura, Helsinki, 1999. 188 s.
- Suomen kirjallisuushistoria. I.* Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Yrjö Varpio ja Liisi Huhtala. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1999. 391 s.
- Suomennokkirjallisuuden historia I.* Toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2007. 697 s.

Поступила в редакцию 27.02.2019

Братчикова Надежда Станиславовна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
e-mail: n.bratchikova@mail.ru

*N. S. Bratchikova***The theme of childhood and child characters in the works by Teuvo Pakkala and A. P. Chekhov**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-233-247

Books about children that can hardly be called childish, although the main characters in them are children, invariably arouse reader's interest. Books reveal a child's inner world, his attitude toward the surrounding reality, the problematic relations between children and adults. Literature on children is represented in almost all national written cultures, but the history of referring to it is due to various causes of social and social development, reasons of a religious, moral and ethical nature. In the article, the author refers to the literature from the second half of the 19th century, to the novels by the Finnish writer Teuvo Pakkala and draws analogies with the novels by the Russian writer A. P. Chekhov. Pakkala was the first in the history of Finnish literature to address the topic of children's attitudes in the context of adult perception.

The world of the children and the world of the adults are most often in antagonistic terms with each other, which are manifested in the perception of reality and in relation to it. These worlds exist in parallel spaces. The intersection of these worlds occurs most often in the mental space, namely in the memories of an adult of his childhood. Both writers see the child as a person, not an object of education. The positions assumed by children in different national societies vary.

Pakkala's heroes often act collectively. The child is surrounded by peers. Chekhov's characters act alone, being isolated from their peers. It is difficult for them to defend their right to exist and their position in life. Chekhov's characters most often become the object of social or family violence, despotism, a victim of adult self-affirmation. In the novels by Pakkala, the positive dynamics of the development of relations between children and adults dominate: children can influence the adult world. Their discouraging sincerity and spontaneity compel adults to reconsider the principles, prohibitions and attitudes invented by them and help to establish contact with children. The world of Chekhov's child is often tragic, hopeless and lonely.

The writer's work on the language and style of the work is very interesting. For the stylization of children's speech, Finnish writer Pakkala changes the syntactic structure of a sentence, showing the immediacy and liveliness of children's speech, comes up with funny words with which children, for example, endow their "winners". The heroes of Chekhov's stories are closed in themselves. Their inner monologue speech turns into itself and is a little like a nursery.

Keywords: stories about children, Russian and Finnish literature of the second half of the XIX century, children's characters, national identity

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 233–247. In Russian.

REFERENCES

Bobina T. O. *Sovremennaya detsko-podrostkovaya literatura: temy, zhanry, priyemy. Chelyab. gos. akademiya kul'tury i iskusstv* [Modern children-teen literature: themes, genres, receptions. Chelyab. state Academy of Culture and Arts]. Chelyabinsk, 2013. 191 p. (Akademicheskiy project). In Russian.

Petrov S. A. "Sovremennaya russkaya detskaya literatura – mif ili real'nost'?" ["Modern Russian children's literature – myth or reality?"]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Literary Criticism. Journalism], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 66–78. In Russian.

Putilova E. O. *Zolotykh stupenek ryad. Kniga o detstve i knigi detstva* [The Golden Steps row. A book on childhood and childhood books]. Moscow, Dom detskoi knigi, 2015. 312 p. In Russian.

Khellman B. *Skazka i byl': Istorija russkoi detskoj literatury* [The Fairy Tale and the Truth: The History of Russian Children's Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 560 p. In Russian.

Aunio L. Lapsikuva Teuvo Pakkalan novellikokoelmassa Lapsia ja Pikku ihmisiä. Pro gradu –työ. Helsinki, Helsingin yliopisto, 2018. 72 p. In Finnish.

Huhtala G., Loivamaa L. Pieni suuri maailma. Suomalaisen lasten- ja nuortenkirjallisuuden historia. Helsinki, Tammi, 2003. 325 p. In Finnish.

Kuivasmäki R. ”Lainalla täytyy alottaa” – nuorisokirjallisuuden suomennokset. Suomennoskirjallisuuden historia I. Toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2007. Pp. 280–302. In Finnish.

Pakkala T. Lapsia. Pikku ihmisiä. Suomalaisen kirjallisuuden seura, Helsinki, 1999. 188 p. In Finnish.

Suomen kirjallisuushistoria. I. Hurskaista lauluista ilostelevaan romaaniin. Toim. Yrjö Varpio ja Liisi Huhtala. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1999. 391 p. In Finnish.

Suomennoskirjallisuuden historia I. Toim. H. K. Riikonen, U. Kovala, P. Kujamäki, O. Paloposki. Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2007. 697 p. In Finnish.

Received 27.02.2019

Bratchikova Nadezhda Stanislavovna,
Doctor of Science (Philology), Professor,
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
e-mail: n.bratchikova@mail.ru